

Какова бы ни была дальнейшая судьба гипотез, выдвинутых И. Мужичем, уже сейчас очевидно, что его книга «Хорватская история девятого века» — важное явление в новейшей историографии хорватского раннего Средневековья. Это смелая и вместе с тем серьезная попытка разобраться в трудных вопросах хорватской истории, заставляющая задуматься над тем, насколько укоренившаяся в историографии картина ранней хорватской истории соответствует историческим реалиям. Многие из сказанного И. Мужичем на страницах этой книги позволяют по-новому взглянуть на старые проблемы хорватского раннего Средневековья и, как кажется, помогает отыскать пути к их разрешению.

Д. Е. Алимов

Hadzijahe M. Povijest Bosne u IX i X stoljeeu. Sarajevo: BZK Preporod, 2004. 336 s. ISBN 9958-820-27-7

Вышедшая в сараевском издательстве «Preporod» со вкусом оформленная книга — итог длительного пути к читателю труда из рукописного наследия известного боснийского историка Мухамеда Хаджихияча (1918–1986)¹. К сожалению, этот объемный труд, лишь некоторые разделы которого можно считать обобщением результатов уже опубликованных автором исследований², остался незаконченным. Как явствует из комментария издателя³, при подготовке рукописи к печати ее более чем 700-страничный текст, научную редактуру которого осуществляла проф. З. Янекович-Рёмер (Загреб), был изрядно сокращен, очевидно, из соображений сделать изложение более доступным для читателя. Эти обстоятельства, разумеется, необходимо иметь в виду, оценивая содержание книги.

Уже само название новой книги М. Хаджихияча — «История Боснии в IX и X столетии» — способно заинтриговать всякого, кто имеет хотя бы самое общее представление об истории Балкан⁴. Впервые в историографии в центре внимания автора монографии оказалась эпоха

¹ Вклад М. Хаджихияча в развитие боснийской историографии значителен. Основные направления деятельности ученого кратко охарактеризовал в своем послесловии к книге М. Имамович: *Imamovic M. Pogovor djelu historijske erudicije Muhameda Hadzijahe* (S. 315–321).

² *Hadzijahe M.* 1) *Pitanje vjerodostojnosti sabora na Duvanjskom polju // Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja ANU BiH. God. 8. Knj. 6. Sarajevo, 1970. S. 201–261;* 2) *Das Regnum Sclavorum als historische Quelle und als territoriale Substrat // Südost-Forschungen. Bd 42. München, 1983. S. 11–60;* 3) *Kako su nastali najstariji naši ljetopisi? // Dubrovnik. God. 28. Br. 4. Dubrovnik, 1985. S. 61–84;* 4) *Crnilo-metodijevske tradicije Crkve bosanske // Nova et vetera. God. 35. Br 1–2. Sarajevo, 1985. S. 117–128; etc.*

³ *Maglajlic M. Napomena izdavača // Hadzijahe M. Povijest Bosne u IX i X stoljeeu. Sarajevo, 2004. S. 335–336.*

⁴ В предисловии редактора З. Янекович-Рёмер упоминает оригинальное название авторской рукописи — «Новые взгляды на историю Боснии в IX и X столетии» (“*Noviji pogledi na povijest Bosne u IX i X stoljeću*”).

боснийской истории, которую вполне можно было бы назвать ее «темными веками», имея в виду, в первую очередь, скудость имеющихся в нашем распоряжении источников, причем не только письменных, но и вещественных. Этим обстоятельством и было обусловлено, главным образом, сохранявшееся до недавних пор положение в сфере изучения боснийской истории, когда периоду IX–X вв. уделялось поразительно мало внимания, несмотря на то, что, казалось бы, именно в эту эпоху следует искать истоки средневекового Боснийского государства. В разного рода обобщающих работах по боснийской истории данная эпоха часто вовсе не освещалась, а история Боснийского государства начинала более или менее подробно излагаться со времен первого упоминания «земли» Боснии в труде Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.), если даже не со времен знаменитого бана Кулина (1180–1204).

Следует отдать должное храбрости автора, поставившего перед собой труднейшую задачу — реконструировать историю Боснии IX–X веков, давая при этом максимально насыщенную — насколько это, конечно, возможно в условиях крайней скудости источникового материала — картину ее политической жизни, социального и религиозного развития. В осуществлении этой задачи М. Хаджияхичу в известной степени помогло то обстоятельство, что он обнаружил и адекватно оценил еще одно немаловажное препятствие для продвижения в области изучения ранней боснийской истории, имеющее, в отличие от объективного фактора скудости источников, субъективный характер.

Речь идет о том, что относительно ранней истории Боснии в историографии укоренились представления, явно недостаточно подвергавшиеся критической проверке. Согласно одному из таких представлений, против которого решительно выступает в своей книге боснийский историк, становление боснийской государственности происходило в процессе постепенного обособления Боснийской земли от хорватского или сербского политического образования. Существование уже в IX столетии особого боснийского протогосударственного органа — один из главных тезисов, отстаиваемых в труде М. Хаджияхича.

Вместе с тем понятно, что подвергнуть ревизии устоявшиеся взгляды на прошлое Боснии и тем более предложить собственную детальную реконструкцию «темных веков» боснийской истории становится возможным лишь в том случае, если заметно расширяется круг источников (о чем пока говорить не приходится) и/или по-новому интерпретируются сведения уже известных памятников. Одним из таких по-новому интерпретируемых в труде М. Хаджияхича источников стала Летопись попа Дуклянина, используемая боснийским исследователем во всех ее четырех известных редакциях. Как известно, Летопись попа Дуклянина, подробно описывающая историю народов западной части Балканского полуострова приблизительно с конца V столетия, содержит уникальные сведения, которые не подтверждаются другими источниками. Вопросы об источниках, использовавшихся самим Летописцем, до сих пор остаются дискуссионными.

В отличие от распространенного в историографии мнения, согласно которому хорватская редакция Летописи (Хорватская хроника) возникла гораздо позже латинской редакции, обычно датируемой в историографии серединой – второй половиной XII в., М. Хаджияхич считает Хорватскую хронику старейшей редакцией сочинения, написанного, по его мнению, на славянском языке босанчицей в Дубровнике в конце XII века. Опираясь на результаты М. Медини, выделявшего в тексте Летописи ее древнейшее ядро — так называемую Травунскую летопись начала XI в. (главы I–XXXV)⁵, М. Хаджияхич аргументирует выделение

⁵ Medini M. Kako je postao Ljetopis popa Dukljanina // Rad HAZU. Knj. 273. Zagreb, 1942. S. 113–156.

в составе древнейшей части Летописи нескольких частей, первоначально являвшихся, по его мнению, самостоятельными произведениями. К их числу боснийский исследователь относит, в частности, сочинение «*Libellus Gothorum*» (главы I–III), «Летопись Загорской славинии» (главы IV–X), «Травунскую летопись» (главы XI–XXXVI).

Первостепенное значение для изучения ранней боснийской истории имеет, по мнению М. Хаджихияча, часть Летописи (хорватской и латинской редакции), условно именуемая им «Летописью Загорской славинии». Ее создание боснийский исследователь относит к периоду между 1083 и 1089 годами, когда Босния некоторое время подчинялась власти дуклянского правителя Бодина, и шла острая борьба за самостоятельность Дуклянской церкви, что и сказалось на изображении в данном источнике некоторых событий церковной истории. Основным тезисом, отстаиваемым при этом М. Хаджихиячем, состоит в том, что «Летопись Загорской славинии» описывает историю именно Боснии, чья территория в древнейшей части Летописи попа Дуклянина часто именуется Загорьем или Загорской землей, в IX–X веках. Основаниями для столь смелого предположения явились как текстологический анализ соответствующей части хорватской и латинской редакций Летописи попа Дуклянина, так и интерпретация автором сведений некоторых других источников, о чем следует сказать особо.

Так, М. Хаджихияч обратился к известному пассажи трактата «Обращение баваров и карантанцев» (870 или 871 г.), где говорится о прибытии в 838 г. бывшего нитранского князя Прибины в область (*regio*) князя Ратимира, вследствие чего Ратимир подвергся нападению враждовавшего тогда с Прибиной баварского префекта Ратбода. Со времен Ф. Шишича в историографии распространилось мнение, согласно которому Ратимир был правителем Посавья, зависимым от болгар и, возможно, поставленным болгарами в ходе завоевания ими прежде подвластной франкам части Посавья в 827 году. Анализируя данное сообщение, М. Хаджихияч указал на отсутствие прочных оснований локализовать княжество Ратимира в зависимой от болгар части Посавья. Он справедливо обратил внимание на то, что в ходе описания вторжения Ратбода во владения Ратимира в источнике сообщается о переходе Прибиной, находившимся в то время у Ратимира, реки Савы, после чего, встретившись с франками, бывший нитранский князь смог достичь с ними примирения.

Следовательно, рассуждает М. Хаджихияч, княжество Ратимира располагалось южнее Савы, а потому речь в зальцбургском трактате шла не о посавском, а о боснийском правителе. Нельзя не признать, что в данном случае аргументы М. Хаджихияча весьма серьезны. Локализация же княжества Ратимира южнее Савы, т. е. на территории современной Боснии, способна существенно поменять наше представление как об истоках боснийской политической организации, так и в целом о политической карте западнобалканского региона.

Гораздо более сомнительным представляется отождествление М. Хаджихиячем князя Ратимира из зальцбургского трактата с королем Ратомиром из Летописи попа Дуклянина (Хорватской хроники). Отождествляя этих правителей, боснийский историк опирался на сведения ряда дубровницких хроник XV–XVII вв., в которых правители, фигурирующие в выделяемой М. Хаджихиячем в составе Хорватской хроники «Летописи Загорской славинии» именуются боснийскими. Хроники и другие исторические сочинения дубровницких авторов XV–XVII вв. (Аноним, Н. Ранина, Л. Цриевич-Туберон, Я. Лукаревич, Ю. Рести и др.), не пользовавшиеся ввиду явной фантастичности многих описываемых в них событий, данием исследователей, становятся для М. Хаджихияча важным основанием в деле воссоздания политической истории Боснии IX–X веков.

Вместе с тем важным ориентиром для датировки хронологии правления боснийских правителей этого периода становится для М. Хаджихияча и дата смерти летописного короля

Будимира, которая была получена боснийским историком в результате корректировки весьма неясного места Хорватской хроники, где сообщается о смерти короля. В то время как в Хорватской хронике говорится: «*I sedminade(se)te dan umri, na devet miseca marca...*», М. Хаджихич предложил иной порядок слов: «*I sedminade(se)te na devet dan umri miseca marca...*», из чего бы следовало, что король Будимир умер в марте 917 года. Полученная таким образом хронология раннесредневековых боснийских правителей, фигурирующих в «Летописи Загорской славинии», выглядит следующим образом:

- + Силимир (начало IX в. – начало 820-х годов)
- + Бладин (начало 820-х – конец 820-х годов)
- + Ратимир (конец 820-х – 838 г.)
- + Четыре «неправедных короля» (838 – до 860 г.)
- + Сатимир (до 860 – до 877 г.)
- + Будимир (декабрь 877 – март 917 г.)
- + Светолик-Стефан (март 917 – 932 или 934 г.).

Согласно предложенной М. Хаджихичем реконструкции развития событий, основанной на сведениях Летописи пола Дуклиянина и дубровницких хроник, после смерти боснийского правителя Светолика, не оставившего наследников, Боснию охватил глубокий внутренний кризис, после чего она оказалась под властью хорватского правителя Михаила Крешимира II (949 – около 969).

Особое внимание уделил М. Хаджихич подробно описанным в Хорватской хронике крещению славян и созданному сразу после этого Собору на Дуванском поле. Как известно, летописные известия о крещении и последовавшем за ним Соборе на Дуванском поле не подтверждаются другими источниками, содержат хронологические противоречия. Проблематично и соотнесение изображенного здесь обширного королевства Будимира (в латинской редакции — Светопелека) с реальными политическими образованиями.

При часто встречавшемся в историографии соотнесении Дуванского собора с различными событиями хорватской истории второй половины IX, X или даже XI в. оставалось неясным, как следует интерпретировать известие о крещении, которое невозможно отнести к столь позднему времени. Между тем в Боснии, удаленной от прибрежных городов Далмации, христианство, очевидно, было принято позднее, чем в Далматинской Хорватии. Именно таким образом рассуждает М. Хаджихич, когда, относя Дуванский Собор к 885 или 886 г. (на основании, главным образом, упоминания в источнике папы Стефана и византийского императора Василия, отождествляемых исследователем соответственно со Стефаном V (886–891) и Василием I (867–886)), полагает, что и рассказ Хорватской хроники о крещении заслуживает нашего доверия.

М. Хаджихич принадлежит к числу исследователей, склонных видеть в летописных известиях о деятельности Константина-Кирилла в западной части Балканского полуострова отражение реальных событий. Однако, в отличие от И. Бобы и М. Эггерса⁶, считающих, что Святополк Моравский, отождествляемый ими со Светопелеком латинской редакции Лето-

⁶ *Boba I. Moravia's History Reconsidered — Reinterpretation of Medieval Sources. The Hague, 1971; Eggers M. Das "Großbährische Reich" Realität oder Fiktion? Eine Neuinterpretation der Quellen zur Geschichte des mittleren Donauraumes im 9. Jahrhundert. Stuttgart, 1995. — См. критику данных гипотез: Margetic L. O interpretaciji nekih vrela hrvatske pravne povijesti devetog stoljeca // Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu. Vol. 50. Br. 1–2. Zagreb, 2000. S. 183–205; Trestik D. [Rec.:] «M. Eggers. Das "Großbährische Reich" Realität oder Fiktion? Eine Neuinterpretation der Quellen zur Geschichte des mittleren Donauraumes im 9. Jahrhundert» // ČSN. Ročník 94. 1996. S. 86–93.*

писи, действительно одно время правил в Боснии, что связано с пересмотром общепринятой локализации центра Великой Моравии, М. Хаджихияч интерпретирует летописные сведения о Константине–Кирилле иначе. По мнению боснийского исследователя, крещение жителей Боснии было связано с деятельностью Мефодия, тогда как Константину принадлежала заслуга в обращении в христианство Будимира, когда он еще являлся наследником Сатимира. То обстоятельство, что именно Константин–Кирилл, а не Мефодий, фигурирует в Летописи попа Дуклянина как креститель жителей королевства Будимира, М. Хаджихияч склонен объяснять сознательным намерением автора летописного рассказа не упоминать Мефодия как лицо, чье имя ко времени составления Летописи было дискредитировано в глазах католического клира обвинениями в ереси. Построение боснийского исследователя, явно не лишенное остроумия, базируется, однако, только на сведениях различных редакций Летописи попа Дуклянина и вышеупомянутых дубровнических хроник. Дополнительные источники привлекаются им для обоснования тезиса о том, что юрисдикция восстановленной в 870 г. Сирмийской архиепископии, во главе которой был поставлен Мефодий, охватывала земли южнее Савы и, следовательно, Боснию. Впрочем, и здесь аргументация исследователя выглядит натянутой. Так, обращаясь к известному письму папы Иоанна VIII князю Мутимиру («*Montemero duci Sclaviniae*») с призывом присоединиться к Сирмийской архиепископии⁷, М. Хаджихияч пытается доказать, что в оригинальном тексте письма стояло имя Будимира, впоследствии искаженное под пером переписчика. Локализация в Боснии места деятельности покинувшего Моравию наследника Мефодия Горазда, основанная на происхождении от имени Горазд боснийского топонима Горажде и наличии там «хижи» приверженцев Боснийской церкви, — чистая догадка, что признает и сам автор.

Едва ли можно сомневаться в том, что при нынешнем состоянии источников предложенная М. Хаджихиячем реконструкция политической истории раннесредневековой Боснии, несмотря на все проявленное исследователем остроумие, еще долго будет оставаться лишь одной из многих попыток истолковать загадочные сведения Летописи попа Дуклянина, пусть и более основательной, чем некоторые другие. Предложенная же М. Хаджихиячем реконструкция этнотерриториальной структуры боснийских земель рассматриваемого периода может, по нашему мнению, уже сейчас стать одним из элементов для формирования адекватного историческим реалиям представления об этнополитической организации западнобалканского региона в раннее Средневековье. Так, М. Хаджихияч абсолютно верно подмечает, к сожалению, довольно характерное для историографии средневековой истории Боснии явление, когда в раннее Средневековье без достаточных на то оснований переносились элементы этнополитической ситуации, сложившейся на этих землях уже в более позднее время. Именно таким путем, при некритическом восприятии сведений позднейших источников, в историографии распространились идеи существования в VII в. обширной хорватской племенной конфедерации и/или сербского племенного союза, будто бы охватывавшего, помимо собственно Сербии, земли Дукли, Травунии, Конавле, Захумья, Неретвлянской земли и Боснии. Конечно, в критике подобного рода построений М. Хаджихияч не одинок. Но справедливости ради следует отметить, что со всей очевидностью новый подход к этнополитической ситуации в западной части Балканского региона в эпоху раннего Средневековья,

⁷ Вопрос о том, где правил Мутимир, к которому обращается папа Иоанн VIII, остается дискуссионным. Одни исследователи считали его посавским князем, другие отождествляли его с сербским князем Мутимиром. Обзор историографии вопроса см.: *Koscak V. Pripadnost istočne obale Jadrana do splitskih sabora 925–928 // Historijski zbornik. God. XXXIII–XXXIV (1). Zagreb, 1980–81. S. 320–322; Margetic L. Srednjovjekovna Slavonija — jedno od vrela hrvatske drzavnosti // Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu. Vol. 45. Br. 2. Zagreb, 1995. S. 141–143.*

основанный на более критическом отношении к сведениям письменных источников, стал проявляться только в последние десятилетия⁸. Широкое использование, наряду со свидетельствами письменных источников, данных топонимики и исторической географии Боснии, блестящим знатоком которых являлся М. Хаджихич, позволило боснийскому историку достаточно убедительно реконструировать этнополитическую ситуацию на территории современной Боснии и Герцеговины в IX–X веках. Свидетельство существования нескольких «славиний» на территории внутренних областей современной Боснии в раннее Средневековье М. Хаджихич усмотрел в известном пассаже 29-й главы трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей», где император, сообщая о правлении в приморских славянских землях старцев-жупанов, добавляет: «... как это в правилах и в прочих славиниях»⁹. При этом исследователь справедливо рассудил, что Константин Багрянородный обладал подробной информацией только о «славиниях», имевших более тесные контакты с далматинскими городами, в связи с чем информация трактата о внутренних боснийских землях, где М. Хаджихич локализовал упомянутые императором «прочие славинии», крайне скудна. Детально рассмотрев сведения трактата о границах Хорватии, Сербии и приморских «славиний», М. Хаджихич заключил, что под «прочими славиниями» подразумевались первоначальная «земля» Босния¹⁰, а также упоминаемые в позднейших источниках в качестве особых земель средневекового Боснийского государства Усора и Нижние края. Первоначальная Босния, Усора и Нижние края и были, по мнению М. Хаджихича, теми образованиями («землями»), которые уже в IX столетии представляли собой политическое объединение — так называемую Загорскую славинию. Земли, входившие в состав Загорской славинии, делились на жупы, некоторые из них временами также выступали как почти самостоятельные политические единицы¹¹. Так, на основании анализа соответствующих глав Летописи попа Дуклянина, М. Хаджихич пришел к выводу, что в середине X в. вслед за значительным ослаблением Загорской славинии от нее отпали жупы Рама, Неретва и Загорье, которые были включены в состав особого политического образования, именованного Подгорьем. В 970-е гг. Подгорье вместе с Захумьем, Травунией и Дуклей явилось составной частью крупного, но кратковременного политического объединения — «Тетрархии» короля Предимира. После распада «Тетрархии» Предимира и дезинтеграции Подгорья в конце X в. жупы Рама и Неретва вновь вошли в состав Боснии, сохраняя, однако, особый статус. Таким образом, изображаемая М. Хаджихичем этнополитическая ситуация запада Балкан в эпоху раннего Средневековья подразумевает существование группы сравнительно небольших, ограниченных естественными природными рубежами, этнополи-

⁸ См., например: *Andelic P. Studije o teritorijalnopoliitičkoj organizaciji srednjovjekovne Bosne*. Sarajevo, 1982; *Vego M. Postanak srednjovjekovne bosanske drzave*. Sarajevo, 1982; *Klaic N. Srednjovjekovna Bosna: Politički položaj bosanskih vladara do Tvrtkove krunidbe*. Zagreb, 1989; *Budak N. Prva stoljeca Hrvatske*. Zagreb, 1994. S. 59.

⁹ *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева; Пер. Г. Г. Литаврина. М., 1991. С. 113.

¹⁰ Употребленное Константином Багрянородным выражение «*χωρίον Βόσωνα*») обычно переводится как «земля Босния». Сам термин «*χωρίον*») употребляется в трактате в довольно широком значении. См. об этом: *Babic A. O pitanju formiranja srednjovjekovne bosanske drzave* // *Radovi Naučnog društva Bosne i Heregovine*. Knj. III. Sarajevo, 1955. S. 60–61; *Паунов Е. П. Проблемы обществено-политического и идеологического развития Боснии (в эпоху раннего средневековья)* // *Studia Balcanica*, 20. Раннефеодальные славянские государства и народности. София, 1991. С. 70–71.

¹¹ В толковании содержания и соотношения понятий «земля» и «жупа» применительно к раннесредневековой Боснии М. Хаджихич сходит с П. Анджеличем, давшим развернутую характеристику этих типов территориальных образований. П. Анджелич «с должной осторожностью» указывал также на сходство боснийских «земель» и «славиний» византийских источников. См.: *Andelic P. Op. cit.* S. 9–13.

тических организмов, лишь временно попадавших в зависимость от соседних политических образований. Временами эти этнополитические организмы образовывали более крупные политические объединения вроде описываемой в Летописи попа Дуклянина «Тетрархии» короля Предимира. Нельзя не заметить, что подобная картина соответствует имеющимся в нашем распоряжении сведениям источников, а также находит многочисленные аналогии в различных регионах раннесредневековой Европы.

В определении политического статуса Боснии в середине X в. большое значение имеет интерпретация М. Хаджияхичем известия о Боснии, содержащегося в 32-й главе трактата «Об управлении империей». В историографии следовало за перечислением градов «крещеной Сербии», выражение «εις το χωριον Βοσωνα το Κατερα και το Δεσνικ» традиционно переводилось как «...а в земле Босния Катера и Десник». На этом основании делался вывод о том, что «земля» Босния в середине X в. находилась в составе Сербии. Указав на то, что предлог «εις» в греческом языке употребляется с винительным падежом и означает направление, М. Хаджияхич счел, что это место следует перевести иначе: «...а по направлению к Боснии Катера и Десник»¹². Такое чтение, естественно, указывало бы на то, что Катера и Десник находились не в Боснии, а в Сербии, а сама Босния частью Сербии в этот период не являлась. М. Хаджияхич, однако, не учитывает свойственные трактату Константина Багрянородного особенности употребления предлогов. Как известно, предлог «εις» используется в трактате в нескольких значениях¹³, что существенно снижает убедительность предложенного М. Хаджияхичем перевода. Подробно останавливается М. Хаджияхич и на вопросе о границах Сербии в правление сербского князя Часлава Клониновича (927–960-е гг.), приходя к выводу, что в середине X в. Босния находилась под властью Хорватии, а не Сербии.

Боснийский историк справедливо подчеркивает, что в формировании раннесредневекового боснийского этнополитического организма участвовали различные этнические элементы, включая местное автохтонное население. Вместе с тем в своих построениях, связанных с выделением нескольких разновременных славянских миграций на территорию Боснии, М. Хаджияхич явно выходит за пределы возможного, строя почти не опирающиеся на источники или вовсе входящие с ними в противоречие предположения. Так, российский читатель будет особенно удивлен, узнав из книги боснийского исследователя, что в начале IX в. на территорию Боснии переселилась более или менее значительная группа новгородских словен и смешавшихся с ними скандинавов. Данная гипотеза, противоречащая, пожалуй, всему, что известно о перемещениях скандинавов и славян в раннесредневековой Европе, основывается, главным образом, на отождествлении упомянутой в Хорватской хронике «великой» реки, именуемой «Велия», с рекой Великой в Псковской земле и пока труднообъяснимом, но явно исключающем прямое влияние сходстве орнаментальных мотивов средневековых боснийских надгробий–стечак и некоторых памятников Северной Европы. К такого же рода гипотезам следует отнести и отождествление раннесредневековой Боснии с так называемой южной Моравией, упоминаемой, по мнению некоторых исследователей, в сочинениях Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» и «Об управлении империей», и некоторые другие столь же малообоснованные построения.

¹² По словам М. Хаджияхича, на ошибочность традиционного перевода этого места первым обратил внимание П. Анджелич, ничего, правда, на сей счет не опубликовавший (S. 86, bilj. 9).

¹³ См. грамматический комментарий в издании: *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik. English translation by R. J. H. Jenkins. Washington, 1967. P. 334.*

Полагая, что христианизация Боснии во второй половине IX в. осуществлялась благодаря деятельности «славянских апостолов» и их учеников, М. Хаджияхич видит в появившихся здесь будто бы «кирилло-мефодиевских» монастырях основной очаг местной церковной жизни после упразднения возглавлявшейся Мефодием архиепископии и до основания приблизительно в середине XI в. особой Боснийской епископии, подчиненной Сплиту. Свидетельство существования в Боснии таких монастырей М. Хаджияхич усматривает в упоминании в папских буллах XI в. монастырей «греков или славян» на территориях, подвластных дуклянскому правителю. В представлении М. Хаджияхича, «кирилло-мефодиевские» монастыри сохраняли свою ведущую роль в церковной жизни и после основания епископии, в то время как первые боснийские епископы, которые, судя по их народным именам, скорее всего были боснийскими уроженцами, также находились под влиянием местных кирилло-мефодиевских традиций. Ну и, пожалуй, основная гипотеза, выдвигаемая в этой связи историком, касается истоков знаменитого феномена так называемой «Боснийской церкви». Подчеркивая монашеский характер «Боснийской церкви», М. Хаджияхич пишет: «В кирилло-мефодиевских монастырях следует, по моему мнению, видеть и зародыш особой церкви боснийской» (S. 232). Помимо кирилло-мефодиевских традиций, в сложении облика «Боснийской церкви» участвовали, по мнению исследователя, также некоторые элементы еретических учений манихейского характера (в боснийских монастырях находили приют приверженцы дуалистических ересей из других районов Балкан) и пережитки язычества. Несовпадение известных имен боснийских епископов с принадлежащими, по мнению М. Хаджияхича, «дедам» «Боснийской церкви» именами, приведенными в известных списках из Баталова Евангелия¹⁴, позволило исследователю предположить параллельное существование в Боснии XI–XIII вв. двух церковных организаций — Боснийской епископии и «Боснийской церкви». М. Хаджияхич особо останавливается на вопросе о центрах обеих церковных организаций, локализуя резиденцию боснийского епископа в селении Бискупичи, а резиденцию «деда» «Боснийской церкви» — в селении Моштре.

На монашеский характер средневековой «Боснийской церкви» уже давно обращалось внимание в историографии. Особое место принадлежит здесь используемым М. Хаджияхичем результатам исследований М. Милетич, показавшей некоторую близость устройства «Боснийской церкви» монашеским правилам св. Василия Великого¹⁵. Источники не содержат информации о том, когда и откуда эти монашеские традиции были восприняты «Боснийской церковью». «Кирилло-мефодиевская гипотеза» М. Хаджияхича, действительно, способна многое объяснить в церковной жизни средневековой Боснии¹⁶, хотя объяснение это, разумеется, нельзя считать единственно возможным. На вопрос, можно ли признать предложенное М. Хаджияхичем объяснение наиболее вероятным, надеемся, даст ответ дальнейшая дискуссия по этому вопросу среди специалистов, занимающихся феноменом «Боснийской церкви».

¹⁴ Датировка деятельности многих лиц, фигурирующих в этих двух списках, дискуссионна. Обзор проблематики см., например: *Čirković S. Bosanska crkva u bosanskoj državi // Prilozi za istoriju Bosne i Hercegovine. I. Društvo i privreda srednjovekovne bosanske države. Sarajevo, 1987. S. 206–210.*

¹⁵ *Miletic M. I "Krstjani" di Bosnia alla luce dei loro monumenti di pietra. Roma, 1957.*

¹⁶ По мнению М. Хаджияхича, к последствиям деятельности Кирилла и Мефодия и их учеников в Боснии и Хуме можно отнести библейские тексты кирилло-мефодиевского происхождения, церковный обряд, богослужение и письменность на народном языке, генетическую связь босанчицы с глаголицей, монашеский характер «Боснийской церкви», культ св. Григория Богослова.

Едва ли есть необходимость особо подчеркивать, что неординарная и концептуально интересная книга М. Хаджихича, бросая вызов укоренившимся в историографии представлениям, многие из которых давно вошли в учебную литературу, провоцирует дискуссию. Для того чтобы дискуссия была наиболее плодотворной, нельзя ограничиться критикой отдельных содержащихся в ней гипотез. Отдельные предположения, в «шокирующем» характере которых сам автор книги вполне отдавал себе отчет, не должны заслонить собой, как нам представляется, верное в своей основе и чрезвычайно перспективное с точки зрения правильного понимания этнополитической карты раннесредневековых Балкан видение исследователем далекого прошлого Боснии. Суть этого видения заключается в том, что в IX – первой половине X в. Босния не была интегральной частью Хорватии или Сербии, а наряду с Хорватией, Сербией и другими политическими образованиями западных Балкан являла собой отдельный этнополитический организм, формировавшийся в процессе отдельного этно- и политогенеза.

Очень хочется надеяться, что придет время для полной публикации рукописи труда М. Хаджихича. Сделать это необходимо для возможности более глубокого проникновения в творческую лабораторию исследователя, предложившего нам спорную, в ряде мест, несомненно, ошибочную, но первую и пока единственную в своем роде масштабную реконструкцию политического, социального и религиозного развития Боснии в IX–X вв.

С. Л. Алексеев

Вялікае княства Літоўскае: Гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг. Матэрыялы міжнароднага круглага стала (16–18 мая 2003 г., г. Гродна) = Grand Duchy of Lithuania: History of Research, 1991–2003 / Рэдкал. С. Б. Каун (адказ. рэд.) [і інш.]. Мінск: Медісонт, 2006. 544 с. ISBN 985-6530-29-6.

Сборник является результатом круглого стола, проведенного в Гродно (Белоруссия) в мае 2003 г. Гродненским областным общественным объединением молодых ученых «ВИТ» совместно с Академической сетью исследователей Великого княжества Литовского. В работе круглого стола принимали участие историки из пяти стран-«наследниц» государства, игравшего значительную роль в Восточной Европе в Средние века и раннее Новое время.

Структурно издание делится на пять блоков (соответствующих каждой выступавшей стороне): России, Белоруссии, Литвы, Польши и Украины. Каждый такой блок помимо текстов докладов включает библиографический указатель опубликованной в данной стране литературы по Великому княжеству Литовскому (далее — ВКЛ) и дискуссию участников круглого стола.